

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Лю Т. Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.74307 EDN: IPUUSJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74307

Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики

Лю Таожань

аспирант; институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, 11-я линия, дом 34/47, к 21.

✉ st108348@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Гендерные исследования"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.74307

EDN:

IPUUSJ

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2025

Дата публикации:

10-05-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является критический анализ конфуцианского канона «Ли цзи» с феминистской точки зрения, опирающейся на философию Эммануэля Левинаса. Исследование сосредоточено на этическом статусе женщины в конфуцианской ритуально-нравственной системе и раскрывает, каким образом женская субъектность оказывается структурно исключённой из пространства этического высказывания. В центре внимания находятся как текстуальные механизмы закрепления гендерной инаковости, так и формы женского отклика, одновременно пронизанные эмоциональностью и нормативной дисциплиной. Используя левинасовскую концепцию Лица и Другого, работа стремится показать, что женщина в «Ли цзи» функционирует как этический носитель, но не как признанный субъект, способный

призывать к ответственности. Таким образом, исследование вносит вклад в осмысление возможности женского голоса как начала этического отношения в рамках патриархального канона. В работе используется сравнительно-философский метод, сочетающий критическое прочтение конфуцианского текста с феминистским анализом и понятийным аппаратом левинасовской этики, с целью выявления гендерных асимметрий в структуре морального признания. Научная новизна исследования заключается в междисциплинарной интерпретации конфуцианского канона «Ли цзи» на пересечении феминистской критики и этической философии Эммануэля Левинаса. В качестве основных методов использованы герменевтический анализ, интертекстуальный подход и критико-дискурсивное прочтение ключевых понятий, таких как «ритуал», «послушание» и «различие». Исследование показывает, что несмотря на активное участие женщины в ритуально-этической практике, её статус как Лица остаётся невидимым и непризнанным в рамках моральной структуры. Работа демонстрирует, как нормативная логика текста порождает эффект этического молчания, структурно закрепляя женщину в позиции ответствующего субъекта, но исключая её из возможности быть инициатором морального призыва. Такой гендерный перекос в конфуцианской модели требует философской деконструкции. В качестве вывода подчёркивается необходимость переосмыслиния самой основы этического отношения и утверждения женского голоса как равноправного и автономного источника этической субъектности и морального высказывания.

Ключевые слова:

Женская субъектность, Конфуцианский ритуал, Аффективный труд, Лицо, Левинас, Гендерная инаковизация, Конфуцианская семейная этика, Гендерные нормы, Структурное неравенство, Этика и гендер

В традиционной китайской культуре конфуцианская мысль на протяжении веков служила основой нравственного и социального порядка, оказывая глубокое влияние на формирование гендерных отношений. Канон «Ли цзи», являющийся одним из центральных источников конфуцианских ритуалов и этических норм не только зафиксировал основные представления о гендерном разделении ролей и социальной иерархии, но и определил положение женщин в структуре семьи и государства. Однако, несмотря на множество предписанных женщинам моральных обязанностей, данная система так и не признала за ними статус этических субъектов. Углубляющаяся философская рефлексия над этими вопросами побуждает исследовательское сообщество обратиться к более широкому этическому горизонту, в котором возможно осмысление логики субъектности и механизмов закрепления за женщиной позиции инаковости. Именно в этом контексте философия Эммануэля Левинаса, сосредоточенная на понятиях этической ответственности и опыта Другого, становится значимым ресурсом для феминистского переосмыслиния процесса гендерной инаковизации.

В ряде современных исследований, посвящённых рецепции философии Эммануэля Левинаса в контексте гендерной теории, акцентируется внимание на двойственном характере его этического подхода. Так, в коллективной монографии под редакцией Тины Чантер исследовательницы указывают на то, что обращение Левинаса к женскому образу может содержать элементы эссенциализации, что, в свою очередь, ведёт к неявному воспроизведению патриархальных моделей инаковости в этическом дискурсе^[1]. В то же время Клэр Элис Кац предлагает более дифференцированное прочтение: она рассматривает размышления Левинаса о женщинах и религии как неотъемлемую часть его

этической концепции ответственности, стремясь выстроить диалог между иудейской герменевтикой и феминистской критикой^[2]. Параллельно этому Джудит Батлер и Эрин Маннинг, развивая направления этической и гендерной феноменологии, исследуют потенциал левинасовского понятия инаковости в феминистской этике, одновременно подчёркивая необходимость критической настороженности в отношении возможного воспроизведения гендерных стереотипов^{[3][4]}. В российском контексте отдельного внимания заслуживает работа Мелихова, подчёркивающего укоренённость этического опыта у Левинаса в телесной и ситуативной встрече, что может быть прочитано как альтернатива мужскоцентрированной логике субъективации^[5]. Следовательно, несмотря на сохраняющееся присутствие элементов традиционной гендерной символики, философия Левинаса продолжает представлять собой значимый ресурс как для критического осмыслиения, так и для конструктивного развития современных феминистских исследований. Эти наработки не только подчёркивают актуальность философии Левинаса, но и формируют теоретическую основу настоящего исследования.

Настоящая статья предлагает анализ канона «Ли цзи» через призму теории Другого и этической ответственности, разработанной Эммануэлем Левинасом, с целью выявить, каким образом, несмотря на принятие женщиной моральных обязательств, она одновременно оказывается систематически исключённой из пространства этического субъекта. В центре внимания находятся скрытые механизмы молчания, встроенные в текст, а также попытка реконструировать женское высказывание в рамках конфуцианского дискурса.

Понятия Другого и Лица Левинаса

В философии Эммануэля Левинаса фигура Другого занимает положение краеугольного камня^[6]. Лица, по его мысли, — это не объекты познания или насилиственного манипулирования, то есть нечто, с чем можно обращаться без ожидания ответ^[7]. Под «лицом» он понимает не конкретные черты внешности человека, а присутствие Другого, обращённое ко Мне — призыв, исходящий из-за пределов визуального восприятия и объективирующего мышления.

С появлением лица Другого раскрывается не внутренний мир, ранее скрытый, и не расширяется область познания или обладания^[8], но происходит прерывание стремления к господству над Другим. Иначе говоря, появление лица означает запрет: запрет на убийство, на ассилияцию, на включение Другого в рамки моего понимания через классификацию и определение. В работе «Тотальность и бесконечность» Левинас пишет: «Другой — его несводимость к Я, к его мыслям и собственности — проявляется именно как оспаривание спонтанности я, как этика»^[9]. Эта этическая интерpellация трансформирует субъект: он больше не мыслится как рационально самодостаточное Я в духе классической философии, но как Я, изначально призываемое и вызываемое Другим. Этическая сила лица заключается в его неприсваиваемости и несводимости: лицо — это не «кто-то», а уникальное и незаменимое присутствие, обращающее ко мне безусловный и непреодолимый зов.

В этом смысле лицо является не просто феноменологическим переживанием, но актом открытия самой структуры этики. Оно принуждает субъекта прекратить стремление к обладанию и вступить в отношение с Другим ненасильственным способом. Таким образом, в теоретической системе Левинаса этика не следует за утверждением субъектности как вторичное событие, но выступает её изначальным условием.

В отличие от традиционной философии, стремящейся постичь мир и Другого посредством тождества или рациональности, Левинас утверждает абсолютную инаковость — инаковость, которая не может быть сведена к тождеству или включена в единый порядок. Другой напротив меня, не включён в целостность воспринимаемого бытия. Как тот, для кого я выражаю воспринимаемое мной, он вновь появляется позади всякого сгущения бытия^[9].

Другой — это не моё «отражение» и не «продолжение» самого себя, а внешность, ускользающая от любого присвоения. Его присутствие не служит объектом познания или использования — напротив, он существует как то, что требует от меня ответственности. Левинас называет эту первичность инаковости «предшествующей Я», подчёркивая, что в этическом смысле Другой занимает приоритетную позицию. превосходящая любые формы моего постижения. Его появление не предполагает возможности познания или использования, напротив — он существует как призыв, обращённый ко мне и взывающий к ответственности. Левинас, используя выражение *«anterior to the self»* (предшествующий Я), подчёркивает приоритетное положение Другого в структуре этики.

Это первенство выражается не только во временной структуре, но и прежде всего в самой структуре этики как основании морального отношения. Проявление лица — это уже речь^[8], обращённая ко мне в форме безусловного этического повеления: «не убий»^[8]. Это повеление не проистекает из закона или социального института, а исходит из самого присутствия Другого.

Гендерная конструкция и структура этики в «Ли цзи»

В мировоззренческой системе «Ли цзи» «ли» рассматривается не только как инструмент поддержания общественного порядка, но и как принцип, регулирующий иерархии — старшинства, социального ранга и половой дифференциации. Женское поведение в тексте строго нормировано вплоть до мельчайших деталей: для сна и бодрствования, одежды, еды, речи и походки установлены определённые стандарты. Как сказано в тексте: «женские ритуалы основаны на мягкости и послушании»^[10]. Эта «мягкость» представляет собой не просто моральное качество, а целостную систему дисциплинарного воздействия, направленного на тело и чувства женщины. Добротели женщины сводятся к четырём категориям: «женская добродетель, женская речь, женская внешность, женская работа»^[10], что формирует этический идеал, основанный на подчинении^[10].

Этическая мысль «Ли цзи», охватывающая три ключевые сферы — личную мораль, семейные обязанности и общественные идеалы, составляет основу конфуцианской структуры этики^[11].

Центральное место в гендерной нормативности «Ли цзи» занимает понятие «различия» (别). Формула «мужчины и женщины различны» (男女有别,人道之大者也)^[10] трактуется как фундаментальный принцип человеческой морали. Здесь речь идёт не об онтологической разнице полов, а о создании гендерного порядка, включающего мужчин и женщин в конфуцианскую социальную систему как взаимодополняющие, но строго иерархически организованные элементы.

В конфуцианской ритуальной системе родственные связи и социальная иерархия определяют направление ответственности и уровня внутри структуры этики. Женщина, хотя и включена в этическую сеть, по-прежнему занимает в ней позицию «инструмента

отношения», а не его центра.

Ряд разделов «Ли цзи» — таких как «Нэй цзэ» (内则), «Сан фу сы чжи» (丧服四制), «Хун и» (昏仪) — подробно описывает роли и обязанности женщин в повседневной жизни, семейной этике, похоронных и брачных ритуалах. «Нэй цзэ» акцентирует нормы внутреннего устройства семьи, подчёркивая, что женщина должна «заведовать внутренними делами», «почтать родителей мужа» и «любить супруга», обеспечивая таким образом порядок в доме^[10]; «Хун и» рассматривает брак как начало ритуальной системы^[10]: женщина посредством брака переходит из «скрытого» положения под отцовской властью в аналогичное — под властью мужа, становясь своего рода «этическим посредником» между семьями. В «Сан фу сы чжи» предписывается, что женщина должна оплакивать свёкру и свекровь в течение трёх лет^[10]. Поведение женщин строго регулируется «ли», что проявляется в исключительной степени этической нагрузки. Все эти предписания подчёркивают интенсивность ответственности, возложенной на женщину в конфуцианской семейной структуре.

При этом женщины в этическом порядке, сформированном «Ли цзи», не исключаются из сферы морали. Напротив, от них требуется выполнение конкретных и тяжёлых моральных обязанностей: они становятся опорой стабильности семьи, рода и государства. В роли дочери, жены, матери или помощницы в ритуалах траура и жертвоприношения, женщина остаётся незаменимым элементом функционирования конфуцианской «внутренней ритуальности»^[12].

Пусть даже в «Ли цзи» мужчина, как и женщина, несёт базовые моральные обязательства в рамках семейной этики — такие как уважение к старшим и поддержание порядка в семье, — сравнение гендерных нормативов, представленных в тексте, позволяет ясно увидеть асимметрию моральных требований. Основной этический признак женщины сводится к послушанию — по отношению к отцу, мужу и сыну — и выражается как внутренняя, подчинённая модель нравственного поведения. Мужчине же вменяется обязанность наставничества: он несёт ответственность не только за «отеческое воспитание» внутри семьи, но и за реализацию роли правителя и учителя на государственном уровне. Эта дилемма формирует глубокую гендерную структуру: внутреннее — то есть семейное пространство — принадлежит женщине и находится под действием нормативного контроля; внешнее — связанное с производством знания, политическим управлением и нравственным поучением — становится ареной мужского авторитета.

Этическая ответственность женщины: отклик на лицо Другого

При обращении к этической теории Левинаса в контексте феминистской критики первым и принципиальным условием становится следующее: может ли — или должна ли — фигура Другого, заключённая в этической модели «лица», быть соотнесена с женским образом? В ряде своих работ Левинас действительно использует такие выражения, как «женщина» и «таинственное», чтобы описать инаковость и трансцендентность Другого. Такой подход вызвал резкую критику со стороны Симоны де Бовуар, которая охарактеризовала его как пример «патриархального письма», лишающего женщину статуса субъекта^[13].

Эта полемика представляется теоретически значимой, поскольку содержит важное предостережение. Сопоставление образа «женщины» с понятием «иного» может предполагать её изначальное лишение субъектности — пассивность, молчание и

пребывание в состоянии бесконечного ожидания. С другой стороны, отказ признавать женскую Другость может затушевать реальный опыт, в котором женщина в рамках патриархальной системы культуры постоянно оказывается инаковизированной, вытесненной к периферии. В конечном счёте это указывает на непреодолимую философскую границу: если язык, категории и парадигмы мышления с самого начала сконструированы из позиции мужского субъекта, то даже признание женской Другости почти всегда содержит в себе заранее заданную логику десубъективации.

Именно исходя из этого парадоксального основания, настоящая работа стремится поставить один базовый, но принципиально важный вопрос: может ли женщина в нормативной этико-социальной системе, описанной в «Ли цзи», быть «лицом» в этическом смысле? То есть — способна ли она стать тем Другим, который прерывает порядок субъектности, вызывает нравственный отклик, а не просто тем, на кого возложена обязанность отвечать?

Исходная схема Левинаса предполагает, что «Я» (субъект), столкнувшись с лицом Другого, оказывается призванным и принимает на себя бесконечную ответственность. Однако в рамках этической структуры, выстроенной в конфуцианском трактате «Ли цзи», а также в гендерном порядке, сформированном под его влиянием, эта нравственная ответственность в реальности чаще всего возлагается именно на женщину: она поддерживает родственные связи, заботится о членах семьи, воспитывает детей, сглаживает конфликты — и всё это составляет основу повседневной семейной этики.

Тем не менее несмотря на это постоянное и тяжёлое участие, женщина не получает статуса Лица в этическом смысле. Та бесконечная ответственность, которую описывает Левинас — ответственность, возникающая в ответ на присутствие Лица Другого, — в данном случае отсутствует. Напротив, женщина выступает как субъект с неполной властью, как тот, кто отвечает, но не обладает силой призыва. Причём этот отклик, в соответствии с господствующими моральными нормами, предписан ей как «естественная» гендерная обязанность.

Добродетель, мягкость и доброжелательность, будь то социально сконструированные или культурно приписанные, побуждают женщину вновь и вновь откликаться на зов Лица. Но на этом этапе её отклик уже перестаёт быть просто ответом — он становится трудом, этической работой.

Как говорит Левинас, равенство невозможно отделить от приятия лика, моментом которого оно является. В этом приятии лица — приятии, которое уже является моей ответственностью в отношении его, когда он, следовательно, как нечто высшее касается меня и владычествует надо мной — возникает равенство^[8]. Однако в моральной структуре «Ли цзи» женщина изначально лишена этого основания: она не наделена тем статусом Лица, который позволил бы ей быть признанной как источник этического равенства.

Конкретно говоря, этический труд женщины в «Ли цзи» характеризуется двумя ключевыми признаками. Во-первых, это бесконечность: ответственность не имеет чётких границ и не прекращается даже при физиологической усталости или эмоциональном истощении. Во-вторых, это односторонность: этическая нагрузка направлена всегда вверх или наружу, но не возвращается к самой женщине.

Ответственность оказывается выражением фатального и неизбежного возвращения к себе^[14], и в этом смысле сыновняя преданность женщине по отношению к родителям,

покорность мужу, забота о детях образуют структуру жизни ради Другого. Когда этическая асимметрия воплощается в социальной реальности в форме гендерной организации, бесконечная ответственность перед Другим перестаёт быть этическим призванием к самопревосхождению и оборачивается моральной легитимацией институционального неравенства.

Следует особо подчеркнуть, что этическая ответственность, возложенная на женщину в «Ли цзи», не может быть сведена к пассивному повиновению институциональному порядку. В конкретных родственных отношениях и жизненном опыте женщины действительно демонстрируют эмоциональный отклик и моральное принятие Другого — будь то в заботе о детях или в трауре по умершим. Эти действия включают в себя аффективные механизмы, не поддающиеся полному нормативному контролю: ответ Другому как как спонтанное и глубоко чувственное участие.

Однако эта ответственность оказывается глубоко встроенной в ритуально-этическую структуру конфуцианства, превращаясь в «ролевую задачу» или «обязанность порядка», направленную в конечном счёте на воспроизведение социальной иерархии и гендерного разделения.

В этической структуре Левинаса Другой — предваряющее и не отторгаемое присутствие^[8]. Следовательно, ответственность по отношению к нему носит односторонний и бесконечный характер, в то время как Другой освобождён от обязанности отвечать. Такая модель, хотя и стремится сохранить трансцендентность и несводимость Другого на философском уровне, в контексте гендерной политики может трансформироваться в форму структурного давления на женщину.

Восстановление женской этической субъектности не означает предоставление ей ещё большей доли жертвы, но требует признания её голоса и зова как самостоятельного этического начала. Это также предполагает демонтаж гендеризированной структуры обязанности и утверждение права женщины на отказ от ответственности и на установление пределов.

Тем не менее такая деконструкция не может и не должна вести к другой крайности — к полному отрицанию этической ценности отклика. Если Я замыкается в себе как абсолютный субъект и радикально отказывается от Другого, женщина рискует оказаться в новой изоляции — в пространстве, лишённом отношений, события и уязвимости.

Поэтому настоящий вопрос заключается не в том, откликаться или нет, а как откликаться, и в рамках какой реляционной структуры отклик может быть признан этически допустимым. Ответ не должен быть навязанной обязанностью, исходящей из гендерных ожиданий, — он должен быть осознанным выбором этического субъекта, формой отклика, сохраняющей агентность даже в условиях асимметрии. Женский ответ на «лицо» мужчины может быть выборочным, условным, рефлексивным — и даже отказным. Ключевой момент здесь в том, что этическая сила ответа заключается не в подчинении, а в наделении себя правом на голос и суждение. Начать по-настоящему — значит начать, неотчуждаемо владея собой^[8].

Иными словами, речь идёт не о «отказе от отклика», а о переопределении его условий. Это путь к освобождению от навязанной обязанности при сохранении возможности этического отношения — путь, который представляет собой важнейший признак зрелости женской субъектности. Это — важный ориентир зрелой субъектности.

Несмотря на это, некоторые исследователи выступают в защиту конфуцианской этики,

переосмысливая её с новых, нео интерпретативных позиций. Так, утверждается, что «конфуцианская этика, несмотря на её патриархальные выражения, предлагает онтологию отношения, которая может служить феминистским целям»^[12]; а женский голос, как подчёркивается, «возникает в процессе диалога с конфуцианскими добродетелями, а не просто в оппозиции к ним»^[15]. В других подходах ли (ритуал) в «Ли цзи» интерпретируется как выражение разума: вторая семантика ли связывается с проявлением человеческой рациональности^[16]. Тем не менее всё это, как справедливо ставит под сомнение Ли Миншу, не устраниет главный вопрос: если конфуцианство не в состоянии откликнуться на проблему гендерной справедливости, его притязание на моральную универсальность теряет убедительность^[17].

В контексте гендерной политики женщина, как носительница этической практики, нередко оказывается призываемой к ответственности со стороны Другого, который по своей сути остаётся неотвечающим. Этот Другой — не просто конкретный мужчина, а замкнутый механизм, формируемый патриархальной структурой, системой культурных символов и институциональным дискурсом. Внутри этой конструкции женщина, с одной стороны, постоянно ощущает, принимает и предвосхищает тяжесть эмоциональных отношений, а с другой — остаётся исключённой из этической сети, где возможен взаимный отклик. Она одновременно эмоционально откликается на призыв конкретного Другого и институционально подчиняется абстрактному, нормативному порядку.

Такая составная ответственность — не чистый Другой и не просто предписание ритуала, а гибридная структура, в которой этичность постоянно размывается и подменяется.

Этическая ответственность, возложенная на женщину в «Ли цзи», не означает признания её этической субъектности. Напротив, именно посредством этого навязанного обязательства её субъектность оказывается ещё более затемнённой. Женщина выступает как практик этической системы, но остаётся лишённой речи внутри этического дискурса. Эта механика этического молчания представляет собой глубинную структурную проблему гендерного порядка, закреплённого в «Ли цзи».

Если обратиться к теории Левинаса, становится очевидным, что женский этический образ в «Ли цзи» не наделён способностью быть Лицом. Она не обладает силой, способной прервать замкнутую систему и вынудить субъекта к ответу; напротив, она функционирует как интегрированный элемент ритуального порядка, подчинённый и мобилизуемый в рамках его внутренней логики.

Заключение

Анализ этической структуры «Ли цзи» в свете философии Левинаса выявляет важнейший парадокс: женщина, являясь носительницей бесконечной ответственности и ключевой фигурой в поддержании морального порядка, сама лишена признания в качестве Лица, способного инициировать этическое отношение. Её отклик на Другого не сводится к простой нормативной реакции — он вплетён в сложную ткань аффективных импульсов, культурных ожиданий и социальной дисциплины. Забота, покорность, участие — всё это выражает не только внутреннюю эмоциональность, но и результат длительной культурной работы по формированию «женской добродетели». Таким образом, отклик женщины — это не только чувство, но и форма встроенного принуждения, в которой подлинная субъектность размывается.

Однако этическая философия, построенная исключительно на способности женщины отвечать, но не призывать, воспроизводит молчание, которое Левинас стремился

преодолеть. Если Лицо — это прежде всего зов, исходящий из инаковости, то этическая справедливость требует признания женщины не только как отвечающего субъекта, но и как того, кто может звать. Женский голос, способный инициировать обращение, формирует не просто новую ролевую позицию, а переосновывает саму структуру этики, в которой отношения строятся не на иерархии долга, а на взаимном узнавании уязвимости.

Восстановление женщины как призывающего Лица означает выход за пределы патриархальной логики признания и открытие пространства, где женский отклик и женский зов могут сосуществовать как равноправные формы этического бытия. Только в этом реляционном равновесии возможно подлинное восстановление женской субъектности — не как жертвы, а как творящей и этически говорящей силы.

Библиография

1. Чантер Т. (ред.). Феминистские интерпретации Эммануэля Левинаса. Университет штата Пенсильвания: Penn State Press, 2010. 288 с.
2. Кац К. Э. Левинас, иудаизм и женственность: Безмолвные шаги Ревекки. Блумингтон: Университет Индианы, 2003. 224 с.
3. Батлер Д. Гендерные вопросы / Д. Батлер // Философия в современном мире. 2000. Т. 7, № 1. С. 13-19.
4. Мэннинг Р. Дж. Шеффлер. Мыслить Иного без насилия? Анализ соотношения философии Эммануэля Левинаса и феминизма // Журнал спекулятивной философии. 1991. Т. 5, № 2. С. 132-143.
5. Мелихов Г. В. Женское как "свое" и "другое": вариации на темы философствования Л. Иригарей и Э. Левинаса / Г. В. Мелихов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. № 1(3). С. 138-149. EDN: NIZTWH.
6. Калинина А. С. Понятие Другого и этика в философии Э. Левинаса / А. С. Калинина // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5(439). С. 124-129. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10516. EDN: IUARWM.
7. Беларев А. Н. Лицо другого у Э. Левинаса и А. А. Ухтомского / А. Н. Беларев // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 4. С. 30-43. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-30-43. EDN: YMUZPM.
8. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
9. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 260 с.
10. Книга обрядов (Ли цзи). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1999. 1148 с.
11. Сюэ Г. Исследование семейной этики в "Ли цзи": дис. ... канд. филос. наук. Чжэнчжоу: Хэнаньский университет, 2013.
12. Раффалс Л. Разделённый свет: Представления о женщинах и добродетели в раннем Китае. Олбани: Изд-во университета штата Нью-Йорк (SUNY Press), 1998. 348 с.
13. Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
14. Евстропов М. Н. Теория субъективности Эмманюэля Левинаса: между онтологией и этикой / М. Н. Евстропов // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 15. С. 57-70. EDN: SMFMEX.
15. Манн С. Под конфуцианским взглядом: Тексты о гендере в истории Китая. Беркли: Университет Калифорнии, 2001. 310 с.
16. Чжан Ц. Исследование гуманистического духа и ценностей культуры ритуала: дис. ... канд. филос. наук. Чжэнчжоу: Чжэнчжоуский университет, 2006.
17. Ли М. Обсуждение и ответ современного конфуцианства на проблему гендерной дискриминации // Philosophy and culture. 2019. Т. 46, № 9. С. 177-191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет статьи «Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики» автор определил самостоятельно: «Настоящая статья предлагает анализ канона «Ли цзи» через призму левинасовской теории Другого и этической ответственности...».

Методология исследования разнообразна и включает сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы.

Актуальность статьи чрезвычайно велика, особенно в свете возросшего интереса современного научного сообщества к истории, философии и культуре Востока.

Научная новизна работы также не подлежит сомнению, равно как и ее практическая польза для научного сообщества и разноплановой читательской аудитории.

Статья представляет собой весьма достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание практически полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к статьям такого рода. Нами были обнаружены некоторые недостатки, исправление которых поможет улучшить статью.

Исследование, как мы уже отметили, отличается очевидной научностью изложения, содержательностью, тщательностью, четкой структурой. Отметим, в первую очередь, ряд бесспорных достоинств этой работы.

Стиль автора характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Работе присуща четко выстроенная структура и масса интересных фактов. Автор делит исследование на главы:

«Понятия Другого и Лица Левинаса;

Гендерная конструкция и структура этики в «Ли цзи»;

Этическая ответственность женщины: отклик на лицо Другого».

Работа представляет огромный интерес с точки зрения влияния мировоззрения (в первую очередь, конфуцианских идей) на культуру поведения людей. Автор пишет: «Канон «Ли цзи», являющийся одним из центральных источников конфуцианских ритуалов и этических норм не только зафиксировал основные представления о гендерном разделении ролей и социальной иерархии, но и определил положение женщин в структуре семьи и государства».

Он подробным образом раскрывает исследуемые понятия, что весьма интересно для науки и свидетельствует о его глубочайших познаниях:

«В мировоззренческой системе «Ли цзи» «ли» рассматривается не только как инструмент поддержания общественного порядка, но и как принцип, регулирующий иерархии — старшинства, социального ранга и половой дифференциации. Женское поведение в тексте строго нормировано вплоть до мельчайших деталей: для сна и бодрствования, одежды, еды, речи и походки установлены определённые стандарты. <...> Этическая мысль «Ли цзи», охватывающая три ключевые сферы — личную мораль, семейные обязанности и общественные идеалы, составляет основу конфуцианской структуры этики».

Приводя многочисленные примеры, автор весьма подробно знакомит читателя с основами канона «Ли цзи». Очевидно его глубокое погружение в исследуемый предмет и умение передать читателю свои знания: «В философии Эммануэля Левинаса фигура Другого занимает положение краеугольного камня[6]. Лица, по его мысли, — это не объекты познания или насилиственного манипулирования, то есть нечто, с чем можно

обращаться без ожидания ответ [7]. Под «лицом» он понимает не конкретные черты внешности человека, а присутствие Другого, обращённое ко Мне — призыв, исходящий из-за пределов визуального восприятия и объективирующего мышления.

С появлением лица Другого раскрывается не внутренний мир, ранее скрытый, и не расширяется область познания или обладания[8], но происходит прерывание стремления к господству над Другим», - пишет он.

В то же время, в начальных абзацах статьи исследователь, на наш взгляд, слишком увлекается обзором источников, что придает работе излишнюю реферативность, которой можно было бы избежать.

К сожалению, вынуждены отметить, что в работе встречается ряд пунктуационных ошибок, например: «Несмотря на то что гендерные исследования в конфуцианской традиции и этическая философия Левинаса развиваются как самостоятельные академические направления, точка их пересечения остаётся практически неосвоенной областью. Настоящая статья предлагает анализ канона «Ли цзи» через призму левинасовской теории Другого и этической ответственности, с целью выявить, каким образом женщина, принимая на себя моральные обязательства, одновременно, оказывается систематически исключённой из пространства этического субъекта». Или : «Как говорит Левинас, «Равенство невозможно отделить от приятия лика, моментом которого оно является».

Мы настоятельно рекомендуем автору тщательно вычитать текст и исправить их.

Библиография данного исследования является вполне достаточной и разносторонней, включает основные источники по теме. Обратим внимание автора на оформление, в особенности тех источников, что опубликованы под редакцией.

Апелляция к оппонентам представлена в достойной мере и выполнена на должном научном уровне.

Как уже было замечено, автор делает ряд серьезных и глубоких выводов, вынося их в отдельную часть, вот лишь некоторые из них: «Анализ этической структуры «Ли цзи» в свете философии Левинаса выявляет важнейший парадокс: женщина, являясь носительницей бесконечной ответственности и ключевой фигурой в поддержании морального порядка, сама лишена признания в качестве Лица, способного инициировать этическое отношение. Её отклик на Другого не сводится к простой нормативной реакции — он вплетён в сложную ткань аффективных импульсов, культурных ожиданий и социальной дисциплины».

На наш взгляд, статья после исправления указанных небольших недостатков будет представлять большой интерес и практическую пользу для разнообразной читательской аудитории - практиков, студентов и педагогов, историков, философов и т. д., а также всех тех, кого интересуют вопросы развития китайского общества.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики», в которой представлена интерпретация классического китайского философского учения с позиции феминистского подхода.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что в традиционной китайской культуре конфуцианская мысль на протяжении веков служила основой нравственного и социального порядка, оказывая глубокое влияние на формирование гендерных

отношений. Канон «Ли цзи», являющийся одним из центральных источников конфуцианских ритуалов и этических норм, не только зафиксировал основные представления о гендерном разделении ролей и социальной иерархии, но и определил положение женщин в структуре семьи и государства. Современная философская рефлексия над этими вопросами побуждает автора обратиться к более широкому этическому горизонту, в котором возможно осмысление логики субъектности и механизмов закрепления за женщины позиции инаковости.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим научным интересом к теме женского начала в традиционных философских и религиозных учениях.

Цель исследования заключается в анализе канона «Ли цзи» через призму теории Другого и этической ответственности, разработанной Эммануэлем Левинасом и реконструкции женского высказывания в рамках конфуцианского дискурса. Предметом исследования является конфуцианский канон «Ли цзи». Методологическую базу исследования составили общенаучные методы описания, анализа и синтеза, а также компаративный и философский анализ. Теоретическим обоснованием послужили труды таких зарубежных и отечественных исследователей как Левинас Э., Манн С., Ли М., Мелихов Г. В., Чжан Ц. и др.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор приходит к заключению о достаточном объеме трудов, посвященных феминистской интерпретации классической философской мысли. Научная новизна данной статьи и заключается в переосмыслении конфуцианского канона «Ли цзи» как источника этических норм и гендерных ролей традиционного патриархального общества с позиции феминизма.

В своем исследовании автор исходит из тезиса, что в конфуцианской концепции несмотря на принятие женщины моральных обязательств, она одновременно оказывается систематически исключённой из пространства этического субъекта. Автор опирается на положения философии Эммануэля Левинаса, сосредоточенной на понятиях этической ответственности и опыта Другого.

Подвергая критике патриархальные традиции и каноны конфуцианства, автор отмечает, что женщина в таком обществе нередко оказывается призываемой к ответственности со стороны Другого, который по своей сути остаётся неотвечающим. Этот Другой — не просто конкретный мужчина, а замкнутый механизм, формируемый патриархальной структурой, системой культурных символов и институциональным дискурсом. По мнению автора, этическая ответственность, возложенная на женщину в «Ли цзи», не означает признания её этической субъектности. Напротив, именно посредством этого навязанного обязательства её субъектность оказывается ещё более затемнённой. Женщина выступает как практик этической системы, но остаётся лишённой речи внутри этического дискурса. Эта механика этического молчания позволяет автору обозначить глубинную структурную проблему гендерного порядка, закреплённого в «Ли цзи».

Анализируя «Ли цзи» с помощью теории Левинаса, автор приходит к заключению, что женский этический образ в не наделён способностью быть Лицом. Женщина не обладает силой, способной прервать замкнутую систему и вынудить субъекта к ответу; напротив, она функционирует как интегрированный элемент ритуального порядка, подчинённый и мобилизуемый в рамках его внутренней логики.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что современное инновационное трактование классических философских идей представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список состоит из 17 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Однако автору необходимо оформить библиографический список в соответствии с требованиями ГОСТа и редакции журнала. Текст статьи выдержан в научном стиле.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.